

скому другу две золотые чаши (добытые из археологических объектов), средства от которых пошли на снаряжение русских переселенцев в путь. Интересен эпизод, когда Исаак Бочкарев учил умываться детей своего друга. Вернувшись в Уймонскую долину с родственниками, Исаак привез для Уймоны в подарок ружье, которого тот еще боялся. Уймон везде в рукописи назван уважительно, по имени или «другом», с положительным эмоциональным настроением.

Уймон в культуре уймонских старообрядцев стал глубоким собирательным образом. Так русские персонифицировали представителей алтайского народа в период контакта с ним в первые десятилетия своей жизни в горах. Оформленное в традиции эмоционально теплое, дружелюбное и уважительное отношение к Уймону передавалось из поколения в поколение и было одним из механизмов формирования навыков культуры межэтнического общения. Изучаемый источник является ярким проявлением той локальной культуры межэтнических и межконфессиональных отношений, которая с XVIII в. складывалась и развивалась между русскими и алтайцами в Уймонской долине.

В заключение отметим, что рукопись Т. Ф. Бочкарева на правах старообрядческого предания проливает свет на многие неизвестные и проблемные стороны культуры и истории уймонских старообрядцев. Как мы убеждаемся, до 1930-х гг. этой группе был свойствен высокый уровень исторической памяти, который выражался в специальных записях, передававшихся из поколения в поколение. Отголоском утерянного наследия является сочинение Т. Ф. Бочкарева, сохранившего для потомков интереснейшее

предание. Рукопись освещает не нашедшие отражения в других источниках события самого раннего периода истории русского населения в Горном Алтае и является по-своему уникальной. В то же время прослеживается соответствие между содержанием рукописи и некоторыми полевыми материалами, а также результатами исследования традиционной одежды.

На основе текста источника можно косвенно определить дату основания Верх-Уймоны как 1732 г. Предание повествует о том, что переселение старообрядцев в Уймонскую долину происходило с епископского благословения и организовано. Ее русские первооселенцы были выходцами из Подмоскovie, нашедшими временное пристанище на р. Керженец. Уймонская долина была выбрана не случайно, а в соответствии с религиозно-мифологическими представлениями, географической привязкой которых являлась гора Белуха. Скорее всего, дорога, проложенная Исааком Бочкаревым с р. Керженец, имела свое значение в контексте мистических воззрений, и старообрядцы Уймоны не были изолированы от своих единоверцев из Европейской России.

В рукописи освещается в реальном историческом контексте личность алтайца Уймоны, ставшая легендарной, и та помощь, которую он оказал первооселенцу Исааку и его единоверцам. Отражая ряд специфических особенностей, рассматриваемый источник вместе с тем является одним из воплощений классического для Сибири исторического сюжета: посылка ходока для поиска нового места с последующим переселением родственников.

Источники и литература

1. Бочкарев Т. Ф. Рукопись. С. Мульта, 2006. Ч. 1. 44 с.
2. Бочкарев Т. Ф. Рукопись. С. Мульта, 2006. Ч. 2. 133 с.
3. Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.
4. Бульгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.
5. Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. Новосибирск, 2000. 161 с.
6. Лебедева А. А. Мужская одежда русского населения Западной Сибири. М., 1974.
7. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае. XVIII – начало XX в. М., 1996. 269 с.
8. Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989.
9. Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян – старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1997. 152 с.
10. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. 312 с.
11. Шитова Н. И. Традиционная одежда уймонских старообрядцев. Горно-Алтайск, 2005. 112 с.

Устная история в XX столетии: метод, источник, направление исторических исследований или самостоятельная дисциплина?

Т. К. Щеглова

Понятие «устная история» вошло в мировую научную практику и в отечественную историографию во второй половине XX в. Оно является точным переводом возникшего в США научно-общественного движения «oral history» (калька с англоязычного варианта oral history). Но это название лишь частично передает смысл самостоятельного научного явления. Ключевое слово «устная» маркирует характер и форму существования и трансляции исторической информации, а в сочетании со словом «история» пред-

полагает «неписаную» историю, т. е. ту, что существует, но не облечена в графическую форму. Условность этого термина, его содержательная неопределенность отмечаются практически всеми исследователями, работающими в этом направлении.

Более того, за годы становления устной истории расширилось содержание и «устной истории», и устноисторической деятельности, что способствовало оформлению понятий и представлений об «устной истории». Устная история прошла путь от методов

до самостоятельного направления исторических исследований и стоит на пороге признания в качестве самостоятельной научной дисциплины. Как и все активно формирующиеся во второй половине XX — начале XXI вв. новые дисциплины и субдисциплины, устная история имеет достаточно много нерешенных проблем и вопросов, пока оставшихся без ответов, начиная от определения объекта и предмета исследования и заканчивая методикой интерпретации устных исторических источников в историческом повествовании. Наиболее проработанными вопросами являются методы исследования и источники. В данной публикации предпринята попытка проанализировать ряд подходов в определении устной истории на протяжении ее развития: от первых шагов до современного состояния.

Признавая условность всякой терминологии, необходимо все же помнить о традициях формирования научных дефиниций, в том числе наименований научных дисциплин. Эти традиции требуют, чтобы научная категория, дефиниция или термин демонстрировали сущность и определяли место явления в ряду ему подобных. Например, «этнография» — «народописание», «география» — «землеписание», «философия» — «любовь к мудрости». В названии исторической дисциплины, субдисциплины или направления должны отражаться прежде всего объектно-предметное поле, специфика и место этой дисциплины в ряду других в исторической науке и на историографическом поле. Закрепившееся название в определенной степени отвечает данной цели. Если говорить о месте устной истории, нужно обозначить ряд подходов, в русле которых обсуждалась и обсуждается эта дисциплина. Ряд их сформировался на начальном этапе развития устной истории, когда она рассматривалась в двух ипостасях: устная история как источник и устная история как метод. Иногда в совокупности два подхода выливались в один. Исходя из этого, место устной истории искали либо в источниковедении, либо в теории и методологии истории.

Широкое распространение и в зарубежной, и в отечественной историографии имеет толкование «устной истории» как источника. Именно оно, как считает ряд исследователей, стало толчком к формированию самостоятельного рода научной деятельности — фиксации «устной» (неписанной) истории как источникового сырья. В частности, С. О. Шмидт, делая акцент на источниковедческом значении устной истории, определяет ее как «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами, использующими современные технические средства» [1, с. 262]. По его словам, в современной исторической науке идет быстрое внедрение «того, что специалисты называют устной историей, вообще в сфере современной культуры, в представление массового сознания об источниках информации и организации этой информации и, соответственно, о важности ее сохранения» [2, с. 100].

Об источниковом назначении устной истории говорили многие зарубежные первопроходцы «устно-

исторических исследований» и в начале ее становления в 1960-е гг. Например, Р. Уилтерс критиковал термин «устная история» именно за то, что он неточно и даже неправильно отражает создаваемый исследователями источник — «устный источник». По его мнению, интервью, записанное на магнитофон, в конечном итоге всегда превращается в напечатанную на машинке рукопись и, следовательно, не является «устным», машинописная же рукопись — отнюдь не «история», так как является всего лишь частью сырого материала, который может быть использован при написании исторического исследования.

В источниковедческом понимании рассматривали устную историю и другие авторы, что способствовало переносу подобных трактовок в энциклопедические издания. Первые определения сводились к исторической информации, существующей в устной форме в среде ее носителей: «устная история — это то, что передавалось из уст в уста, из поколения в поколение. Устная история некоторыми историками считается ненадежным источником, другие считают этот вид источника способным сохранять и транслировать информацию о прошлом» (Wikipedia, The free encyclopedia) [3, с. 164]. Об устной истории как источнике, говорят, например, австралийские исследователи Шарон Вил и Кэтлинг Шиллинг: «Записывая устную историю, исследователь получает информацию о том, как человеческий опыт и память прошлого сохраняются до наших дней. Исследователь записывает интервью, содержащее информацию, которая еще не была зафиксирована ранее» [3, с. 163]. Подобных примеров можно привести множество.

В данном случае обозначение дисциплины или направления как «устной истории» дискутируется с точки зрения характера источника, который создается исследователем. Но сужение понятия «устная история» до источниковедческой проблемы показало, что оно не охватывает весь комплекс видов и форм научно-исследовательской деятельности, носящий название «устная история», — предметное поле, методы изучения исторического прошлого, угол зрения на прошлое, проблематику и многое другое.

К первоначальному вариантам интерпретации «устной истории» относится и ассоциирование ее с методами исследования. В таком случае «устную историю» рассматривают в русле «теории и методологии истории», «истории исторических исследований», «философии истории». Педальирование рассуждений о методическом назначении «устной истории» сводит ее к введению и совершенствованию способов получения информации — разных видов опроса (беседы, интервью, расспроса). Методическая составляющая устной истории доминирует в определениях устной истории многими зарубежными центрами при университетах, библиотеках, музеях. Примером является понимание устной истории звуковым архивом Британской библиотеки: «В настоящее время устная история получила известность как способ записи и сохранения уникальных воспоминаний людей, чьи воспоминания могли быть потеряны» [3, с. 163].

При акцентировании внимания на методической составляющей дефиниции «устная история» дискутирование переходит в плоскость обсуждения методов опроса – беседа, интервью, опрос, собеседование или распрос – и способов их фиксации. В качестве примера дискуссионности методического арсенала устной истории можно привести ряд фрагментов из определений устной истории из сети Интернет: «Таким образом, беседа приобретает форму интервью, в котором один участник – интервьюер, задающий вопросы другому участнику, который может быть назван информатором или нарратором, таким образом, устная история есть диалог» (Linda Shopes Making sense of oral history); или «устная история сохраняет прошлое для сегодняшнего и завтрашнего дня. Запись устной истории двойственный процесс, в котором один из участников интервью делится своим воспоминаниями с интервьюером, тщательно спланировавшим это интервью» (Ассоциация устной истории Австралии) (3, с. 165). Еще более дискуссионно выглядит следующее объяснение устной истории у белорусских исследователей: «самое существенное в данном виде мемуаров [авторы исходят из принадлежности устной истории к разновидности документов личного происхождения, группе мемуаров] – не форма их фиксации, а степень вмешательства лица, которое ведет разговор (опрос). Опрос может производиться как на основе анкеты, так и в произвольной форме. В любом случае канва воспоминаний складывается не самостоятельно, а под воздействием вопросов» (В. П. Грицкевич, С. Б. Каун, С. Н. Ходин) [4, с. 8].

Внимание акцентируется на том, что устная история как способ получения исторической информации опирается на опрос, отличающийся от использования его в прошлом научной проработкой и технической поддержкой. На современном этапе развития устной истории под научным подходом следует понимать целый комплекс деятельности, который требуется для выполнения проекта устноисторических исследований, начиная от разработки научной программы с конкретной целью, задачей, предметом исследования, включая научную разработку вопросников, подбора носителей информации (с научно обоснованной выборкой респондентов), документирование полученных материалов, формирование устных архивов и завершая формированием культуры интерпретации устных исторических источников и принципов историописания на базе или с использованием материалов устной истории. Ограничение поля устноисторической деятельности только совершенствованием методов получения источникового материала в принципе противоречит современному содержанию «устной истории» как нового самостоятельного направления исторических исследований.

Более того организованное интервью как метод опроса с целью получения информации первоначально получил проработку не в исторических исследованиях, а в социологических. В социологии даже произошел раскол в результате внедрения в исследовательский инструментарий полуструктурированно-

го или свободного интервью наряду с использованием таких традиционных форм и методов социологического мониторинга, как анкетирование или жестко структурированный опрос. Использование свободного интервью способствовало индивидуализации предмета социологических исследований, что привело к противоречию с традиционным предметным полем социологии – изучением общих закономерностей и тенденций развития современных общественных процессов и общественного мнения. На базе этого противоречия образовались две разновидности (две ветви, два направления) социологической науки: качественная и традиционная (количественная) социология. Именно в качественной социологии была проведена научная проработка интервью как метода изучения. Поэтому связывать устную историю с разработкой новой методики – получение исторической информации методами опроса, по крайней мере, некорректно. Более того, базирясь на интервью, устная история не может утверждать об исключительности и прерогативе этого метода. Разные формы опроса, в том числе интервью, используют многие современные синтезированные направления и дисциплины, такие как «история повседневности», «социальная или историческая психология», «история ментальностей», «этнопсихология» и др. Методами опроса давно и традиционно пользуется этнография как историческая наука, фольклористика или диалектология как лингвистические науки.

Определенным компромиссом в определении статуса устной истории в полидисциплинарном пространстве науки стало определение устной истории как нового направления исторических исследований со своими методами (разные формы опроса) и источниками (устные исторические источники). В таком случае исследователи рассматривают устную историю как понятие, обозначающее особый род исследовательской деятельности (устная история в широком смысле) и возражают против сведения устной истории к историческому источнику либо к методу исторических исследований (устная история в узком смысле). Рассматривая устную историю как самостоятельное направление исторических исследований, они включают в ее содержание и методы, специфические для данного направления, и специфические источники, и специфический подход в реконструкции прошлого, и свои пути историописания (интерпретация). Одно из предложений определения устной истории как самостоятельного направления, или подхода, принадлежит известному итальянскому устному историку Алессандро Портелли: «Выражение «устная история» достаточно спорное, поскольку оно, скорее всего, предполагают, что история пишется только на основании устных свидетельств, исключая все остальные типы источников. Поэтому точнее было бы говорить об «устных источниках». Однако учитывать то, что это выражение уже стало общепотребительным, оно используется здесь [5, с. 32–51] для краткости. Под этим термином понимается такой тип исторического исследования, в котором устным источникам отводится важная, но не исключительная роль».

Такая позиция особенно привлекательна для отечественных историков. Немногочисленные монографические исследования, позиционирующие себя как устноисторические, в большей или меньшей степени базируются на комплексном использовании устных и письменных документальных источников [6]. Подобные исследования выделяются в общем ряду научных исторических работ, так как анализ устных источников кардинально меняет и угол зрения на исторические процессы, и явления прошлого. Степень их использования различна. Есть работы, которые написаны на устных источниках, но их авторы не ассоциируют их с таким типом исторических исследований, как «устная история» по разным причинам, в том числе вследствие собственной неосведомленности или, что правильнее, непризнанности устной истории как самостоятельной исторической дисциплины.

В таком случае «устная история» представляется уже не только частью источниковедения, методологии или просто видом исторических исследований, но и новым типом исследования со своим предметом исследования в контексте современных антропологических (гуманитарных) исследований. Происходит трансформация устной истории как самостоятельного направления исторических исследований в самостоятельную историческую дисциплину. Эту эволюцию отражают многие авторские определения «устной истории», например, А. И. Филюшкина: «Сегодня под «устной историей» понимается научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования – интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование *субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе*, в которой жил человек» [7]. Процесс оформления устной истории как самостоятельной научной дисциплины далек от завершения. Даже в авторских определениях специалистов в области устной истории можно встретить противоречия или неопределенность. Например, М. В. Лоскутова, определяя устную историю как «чрезвычайно разнообразное и динамичное направление в социальных науках» или «одно из интересных и динамично развивающихся направлений современной мировой исторической науки», одновременно предлагает рассматривать ее как «академическую дисциплину» [8, с. 5].

В контексте становления устной истории как новой дисциплины важнейшее значение приобретает определение ее предметного, хронологического, тематического поля исследования. В широком смысле предметом устной истории ряд историков предлагают считать субъект истории и субъект исторических процессов – человек и человечество во всем многообразии и многофакторности их жизни, но на временном отрезке доступном человеческой памяти, т.е. недавнего прошлого как части новейшей истории. В предметное поле входит исследование взаимодействия людей в исторических событиях недавней истории, их отношение к этим событиям, их поведение во время этих событий и собственно мотивация и факторы такого поведения и, в конечном

итоге, представления, мнения, оценки о прошлом. Такой подход в определении предмета устной истории приводит к очень обширному, почти необъятному полю деятельности, что, по мнению С. О. Шмидта, является показателем «демократизации наших представлений о субъектах истории: повседневная история народа кажется теперь не менее важной, чем государственные деяния выдающихся личностей; социоэкономическая и социокультурная история – заслуживающей отнюдь не меньшего внимания, чем государственно-политическая. Да и о событиях государственно-политической истории начинаем судить, опираясь уже не только на декларации и мемуары государственных деятелей и официальную документацию, оказывающиеся на проверку откровенно тенденциозными...» (2, с. 100). А в узком смысле – субъектом служит человек (как представитель отдельного народа, социальной группы) в контексте исторических событий, участником которых он являлся, или исторических явлений, очевидцем или свидетелем которых он был. Как его представления, установки, ценности влияли, с одной стороны, на его восприятие произошедшего, оценки прошлого, на сами исторические процессы и явления – их ход, формы, последствия, с другой стороны, как последние влияли на его жизнь и судьбу. В комплексе все его суждения и есть представление человека о той эпохе, в которую он жил, ее оценки в его интерпретации, исходя из собственного жизненного опыта. Но кроме индивидуального исторического сознания, существует коллективное историческое сознание о конкретных событиях или конкретной эпохе. По мнению многих исследователей, оно тоже входит в предметное поле устной истории – как самостоятельный объект исследования и как опосредованный – через «со-знание» одного человека как носителя коллективного исторического опыта целого народа или его социальной группы.

Одно из синтезированных определений предмета устной истории дает Д. Н. Хубова. Не отрицая всех подходов и считая возможным рассматривать «устную историю» и как метод исторического исследования (интервью как инициативное документирование элементов устной культуры; процесс фиксирования знания, передающегося в обществе «из уст в уста»), и как результат этого метода – созданный исторический источник, источник устного происхождения. Она экспозиционирует устную историю и как «научную дисциплину с суммой реквизита и понятийного аппарата» (9). Объектом же изучения она считает «исторический материал, транслируемый в устное знание и наследие». На наш взгляд, «устные знания» существуют в виде конкретного жизненного опыта, жизненной истории, т.е. знания о тех реальных исторических событиях, явлениях, процессах, участником которых рассказчик был. Устное наследие может существовать, по-видимому, в виде семейных преданий, сельских преданий или как в зарубежном аналоге – в виде «слухов». Именно в этом ключе рассматривают предмет/объект исследовательских усилий устной истории и ряд зарубежных историков:

«это живая история. Это то, что вокруг нас. У каждого есть история, которую он бы мог рассказать. Устная история — это свидетельство из самых первых рук, но это также и традиции и истории, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста» (Колумбийский университет, Институт устной истории, США) [3, с. 163]. Или предметом/объектом исследования является «живая история любого жизненного опыта» (Центр устной истории национальной библиотеки Австралии) [3, с. 163]. Ряд современных историков даже определяют в качестве объекта устноисторических исследований «слухи» и считают устную историю «изустно передаваемой информацией о тех или иных событиях, нередко в форме слухов» [10, с. 514].

Вместе с тем многоаспектность предмета исследования устной истории, с одной стороны, и отсутствие его четких границ и объектов, с другой стороны, породили существующее на сегодняшний день многообразие дефиниций устной истории и их трактовок в российской и зарубежной историографии: «история снизу», «обыденная история», «коммуникативная история», «субъективная история», «устная история», «ментальная история», «микроистория», «интраистория», «устная народная спонтанная история» (Д. П. Урсу), «слуховая история» (Канада). Более того, в определенной степени разновидностями устной истории считаются, например, «история повседневности» (Германия), «социальная или историческая психология» и др. Такое разнообразие дефиниций устной истории отражает специфику развития устной истории в разных странах и разные подходы национальных научных исторических школ, в том числе и в одной стране. Все используемые наименования устной истории можно сгруппировать по смыслу, который вынесен в ее название. В большинстве случаев это либо способы и методы изучения прошлого (слуховая история, коммуникативная история), либо формы источникового материала (звукотворная история), либо предметно-тематическое поле деятельности (повседневная история, обыденная история, ментальная история), либо субъективно-объектное поле деятельности (история снизу, микроистория, субъективная история).

На формирование многообразия синонимов устной истории повлияли актуальность и специфика исторических процессов и явлений для конкретных обществ, стран, территорий, отличающихся своими комплексами социально-экономических и этнополитических проблем. Для одних национальных школ устной истории приоритетное значение преобрела «история снизу», «обыденная история», т. е. устная история обделенной вниманием части общества — «безгласого» или «безголосого большинства», «бесмолвствующего большинства», представителей «нижних этажей общества». К ним они относят те социальные группы, которые сами не могли организовать свои высказывания и оставить свое письменное мнение о происходящем и о своем ощущении времени, эпохи, в которых они жили. Такая субъективизация устной истории характерна для стран с тотали-

тарным прошлым, авторитарными режимами, бывших колоний.

Близко к ним стоит название «слуховая история»: историки предлагают слушать, слышать или подслушивать голоса участников исторической жизни, фиксировать их оценки, суждения, представления, которые отсутствуют в письменных документах государственных архивов, и на основе их анализа составлять полное представление об эпохе. И в том и в другом подходе при формировании дефиниции преобладает устность как форма истории. В названии «контактная история» внимание фокусируется на контактных способах изучения истории через расспросы современников эпохи, но с более широким диапазоном — от представителей нижних до представителей верхних этажей общества. Такой подход обосновывается стремлением составить более полное представление об изучаемом времени с мнениями, устными знаниями и устным наследием представителей разных социальных групп.

Разница названных подходов не столь существенна, кроме того, что при первом варианте («история снизу») историк декларирует свою активную позицию, готов сам опрашивать, навязывать для обсуждения интересные обществу и исторической науке темы и проблемы, выпытывать то, что хранится глубоко в памяти человека и извлекать информацию, которую человек сам прячет от себя. При слуховой истории историк выступает в большей степени фиксатором рассказов, воспоминаний, биографий. Контактные формы изучения субъектов исторических процессов представляют собой разновидности беседы, собеседования с целью вписать в историю «безгласое большинство». К этим названиям устной истории близки направления исторических исследований Канады и Франции, где синонимом часто выступает «рабочая история», «социальная история», с обращением к мнению конкретных социальных групп, находящихся на «нижних этажах общества».

Таким образом, во все эти понятия вложены разные сущностные черты, но вместе они отражают глубинные метаморфозы самой исторической науки, которая изменила угол зрения от глобального к микроуровню, расширила предметное поле исследования, переориентировалась с масштабных процессов и великих личностей на «рядового» «обыкновенного» человека, его мировосприятие, ощущения, судьбу и место в историческом процессе и при этом на хронологически ограниченном отрезке недавнего прошлого, измеряемого возможностями памяти непосредственных участников и очевидцев. Такая акцентуация исторических исследований изменила и стиль, и формы работы и предъявила новые требования и к источникам, и к самим исследователям. Это проявилось в долгом неприятии новаций устной истории академической наукой. Одним из препятствий являлась психология академических историков, которые привыкли к работе в тиши кабинета, архива и библиотеки. Становление и развитие государственного архивоведения и музееведения в XIX–XX вв., формирование базы документальных источников в фондах

центральных, региональных, муниципальных архивов и музеях сформировали поле деятельности и условия для исследовательской работы историков письменного периода человеческой истории (античности, средневековья, нового и новейшего времени). Изменение методик научного анализа, с одной стороны, подняло историческую науку на новый уровень, с другой стороны, способствовало формированию истории как кабинетной науки, а историка — как кабинетного ученого. «Фетишизация» письменного источника привела к своеобразной инфантильности историка как потребителя готовых архивных материалов. Исключением являлись археология и этнография, дающие историку возможность самостоятельно участвовать в формировании собственной источниковой базы. Академическая историческая наука, переориентировавшись только на опубликованные и архивные источники, определила сферу своей деятельности, круг вопросов, научные интересы, тематику исследований.

Но ориентация на архивную документальную базу ограничивала возможности истории в изучении новейшего времени. Оно требовало и новых методов, и новых источников по ряду причин и в первую очередь из-за традиций комплектования специализированных архивных фондов хранилищ новейшими материалами, которые рассредоточены по текущим архивам учреждений, организаций. Длительный срок поступления архивных материалов в государственные хранилища (от 25 до 75 лет) от организаций и учреждений существенно ограничивает возможности историков по изучению недавнего прошлого. Но именно в XX в. — времени революций, войн, кардинальных изменений — общественность, пытаясь разобраться в происходящем, выступила заказчиком анализа современных исторических процессов. Исторические сообщества стали искать способы и пути изучения настоящего и недавнего прошлого. В результате изучение истории недавнего прошлого и современности в XX в. заняло значительное место в зарубежной и отечественной исторической науке. Но в разных странах эти поиски вылились в разные научные направления, в том числе через применение новых методов и источников.

Обращение историков к недавнему прошлому заставило их выйти из своих кабинетов и обратиться к окружающему их обществу. Следствием этого стало введение в исследовательское поле новых проблем и новых тем, на основе которых сформировалось предметное поле устной истории — обыденная жизнь человека, его мировосприятие, ощущение, судьба и место в историческом процессе. Внимание к личности в исторической науке существовало и до устной истории, но было обращено преимущественно к известным историческим деятелям. И устная история как научно-общественное движение в США началась с опроса великих личностей, но не столько об их деяниях, как это всегда было принято в истории, а об их ощущениях применительно к современной им эпохе. На этапе становления самостоятельности устной истории как научной дисципли-

ны и ее массового распространения исследователи обратились к ощущениям рядового человека. Пройдя путь от фокусирования внимания на известных исторических деятелях до интереса к рядовому, обыкновенному человеку, она в ряде стран «реабилитировалась» перед обывателем и в последнее время вновь включила в сферу своих расспросов выдающихся людей. В целом эти колебания отражают формирование монолитного интереса — «человек в истории». То есть устная история определилась в своем внимании к субъекту исторических процессов — человеку и на нижних, и на верхних этажах общественной лестницы, а предметом исследования стали его ощущения, мнения, оценки, эмоции, установки, жизненный опыт, их влияние на исторический процесс и влияние исторических событий на самого человека, его судьбу, т. е. представления, знания человека о недавнем прошлом, полученные из собственного жизненного опыта. В таком контексте история рассматривается как взаимообусловленный процесс, как влияние исторических событий и процессов на человека и влияние самого человека с его суждениями, оценками, установками, мировоззрением на форму, ход событий и процессов.

Такой подход к изучению истории отражает взгляд на историю «изнутри», интерес к субъективной стороне истории с креном в сторону наиболее массового участника истории — человека «толпы», представителя «народных масс», его жизненный опыт в истории, так как именно он не оставляет потомкам своего мнения о происходящем, но именно он ощущает на себе все последствия происходящих исторических изменений. «Взгляд изнутри» отражает ощущение человека в той эпохе, в которой он живет и участвует в исторических событиях и «изнутри» рассказывает, что и как происходило. «Устная история», по мнению Д. Хубовой, «изучает и передает историю людей, событий, структур, переживаний и ощущений, т. е. любую историческую информацию, природа которой соответствует устному сообщению, устной форме коммуникации. Говоря об истории людей, устная история ориентирована прежде всего на тех, в чьей культуре преобладают «элементы устности, устной культуры» и чья история не может быть самостоятельно оставлена, сохранена письменностью, она может быть только рассказана, устно передана» [11, с. 20].

Таким образом, устная история изучает изнутри, через рассказы, субъективный опыт, историю какого-либо человеческого социума. Именно этот ракурс (от объективности истории к ее субъективности) и вызвал изменения в методах, источниках и самой деятельности историка-исследователя. Отношение к субъекту истории (человеку) как объекту устной истории потребовало обращения за информацией к самому субъекту. Это внесло изменения в позицию историка, активизацию его самостоятельности, что выразилось в развитии методов исследования — опросу в разных его формах (беседа, интервью, распрос и т. д.). А ответственное и серьезное отношение историков к источнику потребовало и научной

Рис. 1. Интервьюирование старожил. Опрашивает Б. Б. Пушкарев. 1998 г.

проработки надежных способов фиксации и условий хранения. Только обеспечение условий надежности документирования на всех этапах процесса создания новых источников создало и условия для изучения субъективной стороны истории (т. е. субъекта истории и исторических процессов) — «истории изнутри», а не «извне», со стороны. Именно такая взаимозависимость «объекта-предмета-метода-источника» позволила некоторым современным исследователям говорить о формировании самостоятельной исторической дисциплины. Более того, в русле «устной истории» развивается и один из новых методологических подходов, характерных в целом для современного социогуманитарного познания, — антропологизация и гуманизация, что в принципе способствует и завершению оформления «устной истории» как самостоятельной дисциплины. Именно в устной истории в первую очередь и реализуется принцип нового методологического подхода — «человек в истории, история в человеке».

Подход историка-летописца (академического историка) к субъективности коммуникативного источника философ М. Рожанский сравнивает с юридической практикой при допросе свидетелей, когда по аналогии со следователем историк, работая с информацией (материалом), «проводит критический анализ источников и, устранив субъективность рассказов (личную позицию, взгляд, отношение, мнение, оценку, восприятие и т. п. — *Т. Щ.*) пытается установить, как было на самом деле». Традиционная методология с требованием исторической объективности являлась и формой существования истории и целью исторических исследований: «к этому обязывала всегда и профессия историка, служащего исторической правде, истине». Устный же историк «субъективную разницу рассказов» делает предметом исследования, пытаясь не устранить ее, а напротив, стимулировать с помощью вопросов. И такая позиция профессионально оправдана, если понимать, что субъективный мир — не только результат, но и участник исто-

рии» [12, с. 141]. Стремление устной истории к истине и поиску правды «маленького человека» породила парадоксальную ситуацию, в которой требование объективности, учета интересов выдающихся и рядовых участников истории ведет к усилению субъективности в исторических исследованиях. В отличие от официальной историографии, в форме летописания для устноисторических исследований субъективность является не препятствием, а почвой для дальнейшего движения и поиска научной мысли. Отношение между человеком и историей становится историческою гранью двух подходов: традиционного — «от частного к общему» и антропологического — «от общего к частному». Устная история предприняла попытки создать новые отношения между историей и социальной памятью, заключенный в устных коммуникативных источниках, носителями которой являются все рядовые участники истории. Кроме того устная история стремится преодолеть «историософию, которая доминирует 2 тысячи лет в европейской культуре», в которой память является основой истории, но, как показывают последние устноисторические исследования, «являет собой разрыв истории с памятью, даже насилие над ней» [12, с. 142].

Неудовлетворенность традиционной методологией, породившей современный кризис исторической науки и активные поиски путей выхода из него, закрепили позиции устной истории как новационной дисциплины в современной исторической науке. Для устной истории с ее стремлением постигнуть предмет «изнутри» представляется важным снять «принципиальный дуализм исследователя и объекта исследования путем проникновения в предмет» в отличие от практики традиционной методологии, когда исследователь стремится отстраниться от предмета исследования, стать бескомпромиссным судьей, исследователем общих закономерностей и тенденций, глобальных исторических процессов, важных исторических вех. «Жизнь прошлого, — считает С. В. Оболенская, — раскрывается только через постижение присущего этой жизни мира идей. „Холодный“ взгляд историка-аналитика только мешает делу. Необходимо даже некое средство, во всяком случае, тесная взаимосвязь между исследователем и объектом исследования» [13, с. 185].

Вследствие такого методологического подхода предметно-тематическое поле устной истории получает логически оформленную информационную базу — персональную память и опыт субъекта истории как носителя «коллективной памяти», «памяти человечества», «памяти мира» или «исторической памяти». Именно индивидуальный человек как общественное существо, осуществляющее практическую и познавательную деятельность является средоточием социальной и исторической памяти человечества, которая используется для познания прошлого. Именно эти виды памяти в отличие от генетической, по определению Л. К. Ребаке, являются «своеобразным хранилищем результатов практической и познавательной деятельности» [14] и охватывают значительно большую сферу, чем просто сфера передаваемых из поколения в поко-

ление знаний, умений, навыков. Благодаря человеческой памяти стала возможна «история» как форма отношений человека с миром, в котором большое значение приобретает «ретроспективная информация в формировании картины мира» (в «мироведении») современного человека, в том числе «воспоминания» о значительных для данного состояния общества исторических событиях [15, с. 68]. Селекционные свойства социальной памяти приводят к потерям составляющих составных картины мира, характерной для того или иного отрезка человеческой истории. Для устной истории, в предметное поле которой как раз и входят «составляющие составные картины мира», важно зафиксировать их, чтобы понять изнутри тот или иной отрезок человеческой истории. Значимость этой работы определяется тем, что процессы передачи социального наследия, понимаемого как «совокупность всей социальной информации, которой обладали уходящие из жизни поколения» и историко-культурного наследия (в том числе и устные исторические знания и устное наследие), к сожалению, «гораздо менее запрограммированы, чем процессы передачи генетической информации». Фатальная неизменность программ их воспроизводства отсутствует. В результате, по утверждению Б. С. Илизарова, «в определенных социально-экономических условиях общество решительно ломает эти «программы», что приводит к революционным сдвигам, к перестройке господствующей системы ценностей или к коренным изменениям в научной и общественной картине мира» [15, с. 62]. XX век как раз и являл собой моменты ломки основных понятий «картины мира» у любого народа, в любой стране — в одних с меньшей интенсивностью, в других, к которым относятся Россия, — с большей.

В этих условиях и была востребована устная история как научная дисциплина с научно организованной методикой интервьюирования участников эпохи ломки «картины мира» с целью записи и сохранения их персональной памяти и опыта. Исходя из этого и предметное поле устной истории определяют (Ю. Кокка, Германия) «не ключевые исторические события или великие идеи, но повседневная жизнь простых людей, изменения в их жизни и изменения в них самих вместе со временем внутри временных отрезков», т. е. интерес к субъективной стороне истории, к «маленькому человеку», которые, по мнению Ю. Кокка, являются «безымянными участниками исторического действия, не всегда творят историю, но испытывают на себе сокрушительную силу ее колеса». Историки, работающие в русле «устной истории», «стремятся понять и проанализировать изменчивые восприятия, переживания, поведение людей, влияние на них общественных структур и процессов, их понимание этих структур» [13, с. 184–185].

Источники и литература

1. Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений. М.: МГИА, 1991.
2. Шмидт С. О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С. О. Путь историо-

Рис. 2. Интервью (с. Лютаево, Солонешенский р-н). Опрашивает С. П. Макаров. Фото 1990 г.

Таким образом, на современном этапе все четче вырисовываются контуры устной истории, как дисциплины, изучающей недавнее прошлое через жизненный опыт, установки, мироощущение рядового, массового участника исторических событий и выявляющей взаимовлияние человека и истории. Можно согласиться с Д. П. Урсу, который рассматривает устную историю как историю современности или «историю настоящего или недавнего прошлого на базе воспоминаний и свидетельств очевидцев, зафиксированных аудиовизуальными средствами. Эта история всегда отражает опыт индивидуальный, в воспоминаниях есть конкретный автор». В результате он выявляет две формы истории — народной устной и официальной, государственной, писанной истории. Для устной истории исследователь вводит понятие «устная спонтанная народная история» или «интраистория» («внутренняя глубинная история»), давая ей определение как «коллективной жизни народа и рожденной этой жизнью сознания. Устная история не столько *знание* о днях минувших, сколько *со-знание*, т. е. массовое общественное мнение, обращенное в прошлое», «история в человеке», как «субъекте исторического познания» [16, с. 8, 17–19; 17, с. 3]. А главными источниками по «облику коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков» [18, с. 115] являются материалы опроса. Таким образом, предметное поле устной истории (oral history) обусловлено новациями исторических поисков последних десятилетий, в том числе гуманизации и антропологического дискурса исторических исследований.

ка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: изд-во РГГУ, 1997.

3. Цит.: Дрожжецкий Д. А. Понятие «устная история» в международной практике (по материалам ресурса Интернета) // Устная история (Oral history): теория и практика: Материалы всерос. науч. семинара (Баранул, 25–26

- сент. 2006 г.) / Сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул : БГПУ, 2007.
4. Грицкевич В. П., Каун С. Б., Ходин С. Н. Теория и история источниковедения: учеб. пособие для студентов заоч. отд. гуманитар. фак. вузов. Минск, 2004.
  5. Портелли Алессандро Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. С. 32–51.
  6. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.: ил.; Бердинских В. А. Россия и русские (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров : ОАО Кировский завод «Маяк», 1998.
  7. Филюшкин А. И. Методические указания по проведению исследований по устной истории // Наш политех: Электрон. ресурс. <http://www.nashpolytech.ru>
  8. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории / Пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003.
  9. Устная история: учеб. программа [Электронный ресурс] / Сост. Д. Н. Хубова. Электрон. ресурс. М. : РГГУ, 1995. Режим доступа: <http://www.nashpolytech.ru>, свободный
  10. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998.
  11. Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
  12. Рожанский М. «Устная история» – философия памяти // Обществ. науки. 1990. № 6.
  13. Оболенская С. В. История повседневности в современной историографии ФРГ. Одиссей: Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М. : Наука 1990. С. 182–198.
  14. Ребаке Л. К. О некоторых принципах подхода к анализу общественной информации // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1966. Вып. 187. Тр. по философии.
  15. Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания // Вопр. философии. 1985. № 8.
  16. Урсу Д. П. Программа и методические указания по спецкурсу «Устная история: Теория и практика» для студентов ист. фак. Симферополь : СГУ. 1991.
  17. Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.
  18. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии/ Одиссей: Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М. : Наука 1990. С. 114–135.